

РИССА
Повесть о рыси

1. ОХОТА

Вторую ночь ей не везло. Она пластом лежала на толстом суку осины, вытянувшись и застыв, как неживая. Ее пушистый подбородок словно прирос к жесткому дереву. Она будто сливалась с осиной, растворяясь в густом лесном мраке. Глаза ее, холодные и желтые, пронизывали не только плотную мглу, но, казалось, и стволы, и кроны деревьев.

Вторую ночь она напрасно ждала добычи. Терпеливо. Не шелохнувшись. Напряженно вглядываясь в темень.

Долгое ожидание утомляет, но оно таит в себе надежду. Чем сильнее сидящий в засаде, чем больше он укреплен соками жизни, тем больше у него выдержки и терпения. В охоте из засады есть коварство, но — иначе не победить, не обмануть великую силу самосохранения, владеющую каждым живым существом. И даже сильные приспособляются. Каждый куст, навес скалы и густые ветви могут быть местом засады. Жизнь в лесу полна опасностей. Тень выглядит тревожно, за деревом прячется неизвестность...

Жители леса всегда настороже.

Большой пушистый барсук высунул нос на волю. На заросшем кустарником склоне незаметен выход из норы, прикрытый снеговым козырьком. И барсук высунул только нос, осторожно принялся к лунному зимнему лесу. Ночь показалась ему теплой. Вот он и решил выглянуть, а если

не опасно, то и выйти погулять, подышать лесными запахами, посмотреть на далекие звезды. Потоптаться на лунном снегу.

Яркая луна вышла из-за тучи. Длинные тени деревьев поползли по опушкам. И снег засветился изнутри.

Рысь хорошо видит ночью. А лунная ночь для нее — словно яркий солнечный день для нас. Сейчас она видела барсук, видела даже маленькую обломанную ветку на той стороне поляны — на расстоянии десятка хороших прыжков. А зайцев она заметила бы и на краю опушки. Но с прошлой ночи эти лопухие вовсе не появлялись. Обычно они резвились в такую пору. А тут словно пропали куда-то. Что их испугало?..

В небе ярко мигали холодные февральские звезды. Луна словно оголила лес, сделала прозрачным. В такие ночи смутная тревога заползала в ее сильное сердце. Казалось, весь лес очутился во власти этой таинственной, всевидящей луны.

Поддаваясь лунному зову, завыл волк. Он выл, жалуясь на судьбу, на голод и холод. Но была в его голосе и жесткая угроза, вызов, готовность схватиться с любым соперником за право на добычу, за право жить. Еще два сородича подтянули печальную песнь, вкладывая всю тоску волчьей души в этот вой. Так вот почему попрятались лопухие...

Рисса хорошо знала волков. Знала их силу и беспощадность. Знала их ум. Волчье упорство и бесстрашие. Но они не умели лазать по деревьям. И поэтому она смотрела на них как бы из другого мира. С любопытством и немного свысока. Никогда, однако, не забывая об осторожности.

Знала Рисса и эту волчью семью. Прошлой зимой, когда они приходили сюда, их было шестеро. Вожака звали Вой. За сильный, пронзительный голос. Когда он затягивал свою голодную песню, сородичи его немедленно откликались, а у тех, кто был слабее волков, леденели сердца. Даже Риссе — сильной и независимой — становилось как-то не по себе...

Когда раздался голос вожака, Рисса сразу узнала его. Вой! Летом эта семья уходила далеко, в края льдов и скал, где леса были невысокими, а холмы большими и где кочевали многочисленные стада оленей. В середине зимы волки охотились здесь, а в самое голодное время, в марте, уходили еще южнее. Но с первым теплом снова возвращались туда. В том холодном краю, в низинах между сопками, и создалась эта суровая, беспощадная семья. Там весной и появились на свет молодые волки, подвывающие теперь могучему вожаку.

Вслушиваясь в переливы волчьих голосов, Рисса совсем потеряла надежду на охотничью удачу. И вдруг на другом конце поляны показался заяц. Выгнанный приближением волков из своего убежища, он стремительно несся по светящейся лунной тропе, мелькал между деревьями, быстро приближаясь к Риссе, замершей над тропой.

Азарт охоты сжал ее в жесткую пружину. Даже кончик короткого хвоста трепетал, будто сотканный из нервов. Когда до прыжка оставалось несколько мгновений, она вдруг увидела их. Волков было шестеро. Они бежали один за другим, бежали быстро, захваченные азартом погони. Конечно, заяц — не добыча для голодной стаи. Но волк есть волк: пока голоден, он будет гнаться за любым зверьком. Осторожная Рисса на мгновение замешкалась, но голод, долгое ожидание и, наконец, раздражение, что у нее хотят отобрать ее добычу, победили. И она прыгнула. И страх, и злобу на волков, и обостренное чувство опасности — все вложила она в этот молниеносный прыжок. Беляк даже не успел почувствовать свою гибель... С добычей в зубах рысь в два прыжка взлетела на соседнее дерево под носом у голодных волков.

Серые так обозлились, будто рысь перехватила у них не зайца, а лося. Они скалились, они клокотали от ярости, они закружились под деревом.

Держа в зубах зайца, Рисса наблюдала за волками. Немного выждав, начала есть. Облизываясь и поглядывая вниз, она видела, каким огнем горели эти шесть пар глаз. Ненавистью светились эти глаза. И завистью.

Это была вовсе не их добыча — рысь не украдала убитого ими зверя. Но надежды отобрать у нее ужин не было никакой. И волки завидовали.

Даже при виде орла, терзающего добычу где-то на скале, на недоступной высоте, волки всегда раздражаются. Как будто никто, кроме них, не имеет права на добычу.

Сейчас они были голодны. Но волки умные звери. И они ушли. Ушли, понимая бессмысленность ожидания. Молча, цепочкой, след в след...

Солнечный день стоял над лесом. Резко крикнула сойка. Переливались голоса снегирей и синиц. Но Рисса не видела искрящегося снега. Днем она привыкла спать. В своей уютной пещере с узким входом она чувствовала себя спокойно. Сладкая дремота отяжеляла ей веки. Сквозь дремоту она хорошо слышала все, что происходило вокруг.

Скалистый холм, возвышающийся над лесом, имел уступ, который, углубляясь в скалу, образовывал пещеру, неглубокую, но достаточную для того, чтобы в ней могли спрятаться пять таких зверей, как Рисса.

При выходе из логова Рисса осматривала окрестности, замечая малейшее движение даже далеко внизу. Место было удобное, укрывало от непогоды, создавало почти незнакомое Риссе чувство покоя. Она дремала на сухой траве и на мягких остатках шкур пойманных ею зверей. Она любила подгрести под себя лапой эти шкуры. Они напоминали ей ночи охоты, вкусно пахли удачей, приятно щекоча ноздри уже слабым, хорошо знакомым запахом добычи. Но и без ароматной травы Рисса тоже не могла. Она пучками срывала ее неподалеку от пещеры, приносила в логово, не спеша жевала. Она знала вкус трав. А высухая, травинки еще сильнее пахли дурманным, горьковатым духом июля в самую ледяную и метельную пору.

За порогом логова сверкал день, а здесь было почти темно. Даже пронзительные звуки дня долетали сюда приглушенно и, натываясь на черные своды пещеры, глохли и умирали.

Словно сама ночь притаилась здесь, в холодной глубине скалы, и, мерцая рысьими глазами, ждала своего часа.

Сумерки застали Риссу уже на ногах. Она мягко ступала по каменному карнизу скалы, пронзая жестким взглядом спущавшуюся мглу. Прошла по каменистой тропе до зарослей, спустилась в чашу, осторожно двигаясь между деревьями.

И вдруг Рисса почувствовала чье-то быстрое приближение. Хотя звук летит быстрее самых быстрых лесных жителей, она, пожалуй, именно почувствовала, а не услышала это приближение. И поняла, что это где-то наверху, на деревьях. В одно мгновение Рисса взлетела на толстую наклонную сосну, туда, где можно было перехватить добычу.

Они возникли все-таки неожиданно, хотя Рисса напряженно ждала. Впереди, спасаясь, бешено неслась белка, ужас неминуемой гибели ускорял ее стремительные прыжки. И, настигая ее, следом легко мчалась куница, точно рассчитывая каждый бросок с дерева на дерево.

Рисса тотчас остановила выбор на добыче покрупнее. Пропустив белку, она резко спружинила и, вытянувшись, зависла в длинном прыжке. Она хотела схватить куницу на лету или хотя бы сбить ее лапой. Но быстрая куница вовремя заметила опасность. Уже в полете резко вильнула хвостом и пролетела чуть правее. Этого оказалось достаточно — рысь промахнулась.

Не всегда приходит удача на охоте. Рысь часто остается ни с чем — и после преследования, и после нападения из засады. Никто не хочет становиться добычей. Но в момент, предшествующий нападению, она уже словно бы чувствует в зубах свою жертву, ощущает ее вкус, запах ее крови. И когда неожиданно добыча ускользает, Рисса каждый раз испытывает недоумение. Удивление. Как же так? Ее добыча — ушла. Ее ужин — вдруг убежал по вершинам сосен. И Рисса редко преследует ускользнувшую добычу...

Воткнувшись в сугроб всеми четырьмя лапами, растерянно, как-то даже смущенно, смотрела Рисса вслед ушедшей

кунице. Она слышала и белку, которая убегала в противоположную сторону, невольно спасенная рысью от гибели.

Затем, выбравшись на звериную тропу, рысь пошла дальше — спокойно и мягко, вслушиваясь в бездонную и зовущую тишину ночи.

Рисса промышляла постоянно в одной местности, на своих угодьях. Это был немалый кусок леса, примерно в два ночных перехода вдоль и поперек. Но участок поменьше, где она обитала и охотилась чаще всего, был ее любимым местом. Неподалеку протекал ручей, в котором она иногда купалась в жару, из которого любила пить охлаждающую горло воду. Ручей был чистым и быстрым, как все ручьи на севере. Он впадал в небольшое озеро. Другие рыси не имели права охотиться на ее участке леса, в ее угодьях. И по закону леса они не заходили на ее территорию — Рисса сурово наказала бы наглеца.

Северный лес, где жила Рисса, где она волею судьбы родилась, был просторен. Высокие сосняки на обомшелых песках, усыпанных сосновыми иглами, темные ельники в заболоченных низинах, заваленных буреломом, густые и солнечные березовые рощи — они звенели летом. И гудели зимой от ветра, трещали от мороза. Но согревали ее теплыми пушистыми снегами. И кормили. Кормили весь год. Каждый раз, просыпаясь, она радовалась лесу, шуму деревьев, плеску многочисленных озер, журчанию своего ручья. Иногда летом, на восходе солнца, она ловила рыбу в ручье. Долго стояла, замерев, подняв переднюю лапу. Ждала. Знала, что даже тень ее лапы не должна лечь на воду. Рыба тоже умела быть осторожной. Но рысь ее ловила. Улучив момент, поддевала лапой и выбрасывала на берег серебристую, трепещущую, всю в пятнышках форель-пеструшку. И тотчас ее съедала. Но это бывало летом.

Теперь ручей тихо журчал подо льдом и снегом. Она едва слышала бег воды, потому что снег лежал толстым слоем на корке льда.

С середины февраля волнение пришло в душу Риссы. Ее все время влекло куда-то. И вот сегодня наконец она услышала зов. Это был не очень длинный, певучий и громкий

звук — зов самца. И она медленно, с волнением, двинулась в чашу, туда, куда звала ее природа...

Наступил март, а зимние метели никак не желали покидать лес. Крупные белые хлопья кружились меж стволов деревьев, продолжая наваливать сугробы. Но в иные дни, когда солнце пробивалось сквозь тучи, сразу теплело, и за какие-то полдня снег кое-где на высоких сугробах оседал и становился не пушистым, а ноздреватым.

Последнее время Рисса охотилась неподалеку — только там, откуда до рассвета можно было вернуться в логово. Прежде она спала не всегда в одном месте. Засыпала там, где заставал ее день, где-нибудь на вершине холма или на краю поляны... Но недавно ее вдруг потянуло в эту пещеру, в старое логово.

Сейчас она ушла уже довольно далеко от своего дома. Приходилось идти. Искать. Голод гнал Риссу.

Она часто останавливалась, вслушиваясь, словно ее бесшумные шаги могли ей помешать уловить самый далекий и самый желанный звук. Ночь незаметно прошла, и сквозь частокол леса уже протискивался серый рассветный туман.

Рысь вздрогнула, заволновалась и замерла. От запаха, который неожиданно ударил в ноздри, даже голова закружилась — настолько он был сильным. Значит, они здесь, рядом! Она не решалась шевельнуться. Долгожданная добыча была почти в зубах. Стоило только броситься. Но Рисса, не шелохнув ни лапами, ни хвостом, медленно повернула голову и огляделась. Знакомые лунки в снегу были действительно рядом, но до них было больше одного прыжка. А прыжок должен быть один. Очень медленно она подняла лапу и замерла. Беззвучно опустила ее и перенесла вес тела вперед. Осторожно, чтобы не хрустнул снег, переступила задними ногами и подобралась.

Две-три секунды она готовилась. Затем молниеносно взлетела над сугробом и передними лапами накрыла ближайшую лунку. Тишина лесного рассвета раскололась

резким хлопанием крыльев. Белая снежная пелена окутала Риссу, словно большая ель над ней отряхнулась по-собачьи.

Держа в зубах крупного тетерева, рысь вышла на тропу, по которой пришла сюда. Огляделась, прошла несколько шагов. Снова огляделась. Прислушалась. Сошла с тропы в сторону и удобно устроилась в снегу, лежа на животе, зажав в передних лапах убитого косача.

Оставалась еще половина птицы, когда Рисса почувствовала себя сытой. Она слизнула с перьев остатки крови и, прежде чем встать, здесь же, в снегу, аккуратно передними лапами зарыла оставшуюся добычу. Она не всегда возвращалась доедать остатки, потому что в лесу есть живая дичь, которая вкуснее. И потом — какая это еда, какое пиршество, если ему не предшествовала охота: напряженное выслеживание, скрадывание или подкарауливание жертвы и — успех, добытый завершающим охоту мощным прыжком. И все-таки она прятала остатки, подчиняясь вековечному инстинкту запасливости. Этот инстинкт присущ, пожалуй, всему живому на земле. Разве только рысь заботится о запасе на черный день?..

2. ГОЛОС ВОРОНА КАРЛА

Этой ночью Рисса поздно вышла из логова. После заката, с сумерками почему-то не пришло к ней обычное чувство веселой настороженности, сразу прогонявшее сон. На этот раз вялость и дремота не хотели отпустить Риссу. То ли она перенервничала прошедшей ночью и после долгожданной удачи наступившее наконец расслабление оказалось слишком глубоким, то ли просто занемогла.

Так или иначе, но, когда она, выйдя из пещеры, ступила на холодный уступ скалы, уже высоко и ярко мигали крупные звезды и тянули свою голодную песню старые ее знакомые — волки.

Она долго и осторожно шла по лесу, как обычно — с короткими остановками. Слушала темноту, стараясь различить за волчьим воем что-то другое, более приятное ее слуху, ей назначенное.

Она не только охотилась. Нет, не только ради добычи выходила она во мглу. Ее влекла ночь, ночные звуки и запахи. Особенно новые, незнакомые ей. Рисса была еще молода. И ее интересовало все, что она видела, слышала, чувствовала. А каждая встреча для нее была событием. Она даже радовалась приходу волков: ее обдавала сильная волна радостного возбуждения, смешанного с обостренным чувством опасности. В эти минуты она и видела дальше, и слышала лучше.

2. Голос ворона Карла

Рисса постояла. Взбежала на дерево — послушать ночной лес с высоты. Улеглась на удобный толстый сук и долго смотрела перед собой в черную тьму леса.

И вдруг она вздрогнула. Совсем рядом, на дереве, жестко уставясь на нее, голодным огнем светились два пронзительных глаза... До сих пор она всегда и всех замечала первой. Теперь застали врасплох ее — и она растерялась. Вообще-то она знала, что здесь, наверху, не может быть никого, кто опасен ей. И тем не менее даже испугалась от неожиданности. Первое желание было — метнуться во тьму. Но привычка выжидания при неподвижном противнике победила: рысь не шелохнулась. Она пыталась разглядеть владельца этих глаз, но глаза словно гипнотизировали, не давали сосредоточиться, всмотреться во тьму. И вдруг гулко и резко, словно черный выплеск ночи, раскатился крик филина. Глаза погасли, и Рисса ясно увидела, как большая птица взмахнула крыльями, покидая ее общество. То ли филин не сразу заметил, что перед ним рысь, то ли только сейчас сообразил, что такое соседство может ему стоить жизни, — он улетел.

Растерянность Риссы быстро сменилась сожалением при виде улетающей птицы. Она осталась лежать на суку, словно раздумывая о неожиданностях ночи и о прелести этих неожиданностей. Ибо мир прекрасен своими шорохами, звуками, запахами, подчас незнакомыми... Раскатится неожиданный трубный олений зов, взметнется крик сороки, и затрепещут на ветру тонкие ветви берез, чуткие, голые и звонкие. И нет ничего лучше ночи — лунной или метельной, ветреной или морозной и звездной, когда слышно далеко-далеко и видно, как днем...

Иногда к Риссе приходили воспоминания, чаще, когда лежала она в пещере и дремала. И в памяти неожиданно ярко вставали дни детства.

Тогда все было наоборот. Днем она ела и играла. Ночью спала. Ее приучили спать ночью. Она была тогда маленькой рысью. И жила у людей. Она еще не забыла их запах. У них, как у зверей, запах тоже был неодинаковый, у каждого свой. И Рисса его помнила. Однако уже не так отчетливо, как, например, год назад. Зато перед ее желтыми глазами все так же ярко пылал день ее ухода от людей.

Именно пылал. Потому что это был день пожара.

Рисса жила в доме лесника. Как-то, в начале лета, он принес маленького рысенка своей дочери, которая тогда училась в седьмом классе. На зиму она уезжала в город, а все лето проводила у отца, в этом доме на опушке леса.

Девочка была рада новому другу. Часами играла с маленькой рысью, кормила молоком, ласкала. Лесной котенок рос не по дням, а по часам. Однажды, разозленный, он злобно заурчал на высокой ноте, перейдя в конце в шипенье: «Р-р-ри-с-с-а...». Тогда девочка и назвала рысенка Риссой. И Рисса откликнулась на это имя.

В доме лесника рысь прожила год. Она боялась собак хозяина — трех крупных лаек, которые всегда злобно косились на нее и были не прочь — она это понимала — вонзить в нее свои зубы. Собаки так и остались в ее памяти страшными, большими, непримиримыми. Она пряталась от них

на шкафу. Потом, уже взрослой, живя в лесу, она видела собак, но решила, что это совсем другие, намного меньше тех собак ее детства, которые казались ей огромными.

В детстве — свое представление о предметах и живых существах, а потом все изменяется до неузнаваемости... И все-таки детство было для Риссы приятным давним полушном. И только страшным огненным кошмаром пылал в памяти тот последний день, день пожара.

Она была в доме одна. Девочка с матерью куда-то уехали. Хозяин ушел с собаками в лес. Рисса оставалась в закрытом лесном домике. Неизвестно, отчего дом загорелся. Может быть, хозяин, уходя, уронил спичку. Или кто-то поджег снаружи... Вскоре после ухода хозяина Рисса почувствовала тревожный запах. Он раздражал ноздри, заставлял кашлять. Ее потянуло во двор, в лес, на воздух. С каждой минутой становилось все труднее дышать.

Она выскочила в сени и, впиваясь когтями в бревна стены, быстро влезла по ней на чердак. Через слуховое окно выбралась на крышу. Шарахнулась в сторону от языков пламени, спрыгнула на высокую поленницу, стоящую вплотную к стене избы, и затем покатила по траве, кашляя от дыма. Дом уже пылал. И она бросилась в лес, словно боялась, что ее могут снова впихнуть в дымный, пышущий жаром огромный деревянный дом, из которого уже рвалось косматое пламя...

Она успокоилась далеко в лесу, среди сумрачной тишины. Замерла, вслушиваясь. Постояла. И осторожно пошла между деревьями, внимая каждому шороху, скрипу или движению.

Запах гари, дыма, который ее преследовал, напоминал о страшном пламени, из которого она едва вырвалась. И она шла, гонимая страхом перед огнем. Великим страхом, присущим всему живому, трепетом перед всесильным огнем, которым владеет только человек и который даже человеку не всегда подвластен. Риссе казалось, что остановиться нельзя, что огонь может опять появиться, догнать ее. Она все время чувствовала запах гари, потому что опалила усы и шерсть на морде.

Весь день и часть ночи уходила она от этого страшного места. Потом отлеживалась в глухой чащобе до самого восхода.

Так началась ее новая, дикая жизнь, полная опасностей и приключений.

Первый, на кого она обратила внимание в своей новой вольной жизни, был старый ворон. Сначала Рисса увидела на земле крупную птицу с желто-серым крапчатым оперением. Это была тетерка. Повинуясь вековечному инстинкту выслеживать и скрадывать все живое, рысь неслышно двинулась в ее сторону. Птица что-то сосредоточенно выклевывала из земли. Когда она наклонялась и клевала, Рисса бесшумно ползла, буквально распластавшись по земле. Когда тетерка поднимала голову, рысь замирала. Птица не могла ее видеть и вдруг забеспокоилась, завертела головой, поглядывая вверх, на кроны сосен, и, захлопав крыльями, взлетела...

Раздосадованная Рисса встала в полный рост, двинулась, не таясь, к месту взлета тетерки. Ничего постороннего она не заметила, не учуяла, не услышала. Кто же испугал птицу?

— Карл! — резко раздалось над головой.

Рисса быстро посмотрела вверх. Внимательно и недобро разглядывала она своего нового знакомого — старого черного ворона.

— Карл! — басом повторил он. Его надменная поза словно говорила: «Да, это я предостерег тетерку. Может быть, и помешал тебе, но ничего не поделаешь, у нас, у птиц, своя солидарность...»

Рисса долго смотрела на него. Заявлял бы он так нагло о себе, этот Карл, если бы не его большие крылья, которые поднимают его выше самых высоких деревьев?..

Теперь она стала жить по-своему, по-рысьи: днем в основном спала и поэтому редко видела старого Карла, так как он спал ночью. Но иногда Рисса его встречала. Появлялся он и хрипло заявлял о себе всегда неожиданно. Всегда лез не в свое дело. И был недосягаем.

Полная луна, совсем недавно ярко-желтая, потускнела, посеребрилась. Ее края замерцали, будто покрылись инеем. И звезды потускнели, перестали сверкать синим светом и совсем стали похожи на осколочки льда.

Когда Рисса выходила на поляну, она разглядывала звезды, луну. Хотя знала, что они всегда бывают выше и сосен, и птиц, она все-таки считала их живыми. Далекими, неизвестными, молчаливыми и безразличными ко всему. Но — живыми. Потому что они двигались там, в своем далеке. Даже за короткое время острый глаз Риссы замечал их медленное передвижение. Может быть, и звезды охотились друг за другом?

Ночь уходила. Уходила и рысь с ночной охоты. Не спеша прошла по каменному карнизу. Постояла. Не заметив ничего опасного, вошла в пещеру и тотчас легла мордой к выходу. Она знала, что любой зверь, учуяв ее в пещере, никогда не сунется в этот узкий черный проход. Но из врожденного чувства осторожности все-таки легла головой к выходу. Сон навалился сразу. Длинная и трудная ночь охоты утомила ее.

Сон был тревожным. Ей снились волки, окружившие дерево, на котором она сидела. Они никак почему-то не хотели уходить. И вдруг старый Вой, предводитель стаи, полез на дерево! Рисса не боялась его одного. Но она ужаснулась во сне. Она вдруг поняла, что волки умеют лазать по деревьям, что ей несдобровать. Кто же поможет ей, если вся стая полезет на дерево?..

— Карл! — громко ударило по ушам.

Рисса проснулась. Этот черный старик часто мешал ей днем спать. Но сейчас она была рада, что волки на дереве — только сон и что Карл прогнал страшное видение.

Конечно, рысий сон — это в основном чуткая дремота. Рисса все слышит и во сне. Но Карл ей мешал. Его голос вызывал у нее раздражение, желание выйти из логова, посмотреть: чего это он так разорался, старый крикун? А при случае и припомнить ему всю его дерзость и болтливость.

Спать больше не хотелось. Может быть, ее слишком потревожили неприятные видения и она боялась продолжения страшного сна...

Рисса вышла из пещеры. Был яркий полдень. Заснеженный лес, переполненный уже теплым солнцем весны, был настолько ослепителен, что кололо в глазах. Она зажмурилась и, постепенно открывая веки, долго привыкала к полуденному слепящему свету. И к дневным звукам. Из пещеры эти звуки казались приглушенными, не такими звонкими, а сейчас они просто оглушали. Птичьи голоса летели со всех сторон. Рисса наблюдала за птицами с любопытством. С острым интересом. Ведь она давно уже не видела ничего, что происходит днем.

Внизу, под скалой, на льду ручья появилась норка. Длинная, темная, неуклюжая, она все-таки быстро бежала большими прыжками, нескладно подбрасывая заднюю часть тела. Пробежав немного, норка встала на задние лапы, вытянулась вертикально, как тонкий и высокий пенек. Чуть покачиваясь, осматривалась...

А вверху, на елках, на высоких ветвях, ссорились четыре вороны. Одна, сидевшая в стороне от трех других, время от времени наклонялась в их сторону, вытягивала шею и зло и гортанно выкрикивала свои картавые вороньи слова. Хотя Рисса не знала вороньего языка, она понимала, что ничего доброго эти звуки означать не могли. Как только ворона начинала, три другие отвечали ей дружно и тоже раздраженно — отругивались. А над всем этим криком, на верхушке самой высокой ели, царственно сидел старый ворон. Один раз, когда вороны смолкли, он важно и задумчиво произнес:
— Карл! — как окончательный приговор.

Вороны после этого некоторое время молчали. Может быть, их пристыдил спокойный и торжественный голос старика. Или они обдумывали то, что он произнес или имел в виду. Потом забыли о вороне и возобновили свой скандал.

Риссу все это забавляло. Раздражал ее только Карл. Тем, что он всегда был выше всех. Всегда был очень горд, дово-

лен собой — это было ясно по его голосу. И всегда смотрел на Риссу свысока.

Рысь медленно шла по звериной тропе, по сверкающему солнечному березняку, и ей казалось, что она попала в другой мир, утерянный в те давние времена, когда она в памятный огненный день ушла от людей. В последнее время она как-то переменялась. Прежде все живое, что она видела, ей хотелось поймать и съесть, и только очень редко она просто наблюдала — за птицами, например, которые были слишком высоко. Теперь Рисса все чаще останавливалась, с любопытством разглядывала птиц или белок, резвящихся на воле, или норку, как сегодня, — разглядывала, совсем не думая о том, что они пахнут свежей кровью, что они вкусны. Все чаще ее тянуло полежать в пещере, она уставала уже и от коротких переходов, далеко от логова теперь не уходила. Даже пять-шесть прыжков наперерез зайцу хоть чуть-чуть, но уже утомляли Риссу.

Весна наступила. Оплывали снега. Длинные усы Риссы шевелились от неожиданно теплого ветра.

Ручей, который Рисса считала своим, уже промыл слой льда, сковывавшего его всю зиму, и вырвался наружу. Талые воды сделали его бурным. Ему некогда было разбираться, что у него на пути, он смывает и отмели, и корни подмывает у деревьев, и становится мутным. Лишь в мирное летнее время ручей, не подмывший ни одного дерева, может быть чистым. И он хранит свою добрую чистоту, чтобы напоить зверя, человека и птицу.

В бурные весенние дни Рисса пила из озера, но едва ручей успокаивался, становился прозрачным, она радовалась и приходила утолять жажду только к своему ручью.

